

Рецензия на книгу А.Ф. Старцева «Ороки — орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина»¹

Исследование А.Ф. Старцева представляет весьма примечательное, но отнюдь не уникальное явление в современной отечественной этнологии/этнографии, когда монографическое исследование принимает форму полемики с научными оппонентами². В данном случае «фронт оппонентов» включает не только авторитетных отечественных этнологов, но и этнических активистов, которые активно вторгаются в этнографическую и этнополитическую реальность с начала 1990-х гг.

Основная идея А.Ф. Старцева ясно изложена в самом названии его труда. Исследователь пытается доказать, что этноним *орочёны* (*ороки*) — именно этноним, а не название, которое дали этнической группе русские переселенцы на Дальнем Востоке и Сахалине, и имеет местные корни. Кроме того, автор ставит под сомнение аргументированность попыток некоторых отечественных и зарубежных учёных заменить указанные этнонимы на другие, бытующие в местной культурной среде обозначения, — *ульча*, *ульта*, *уйльта*, — полагая, что последние представляют собой названия локальных групп орочёнов.

Практически весь текст монографии — это развёрнутое обоснование того, что орочёны как были так и остаются орочёнами, и синхронные попытки отдельных отечественных и зарубежных специалистов, этнических активистов переименовать народ не только не обоснованы, но и не приносят ожидаемого результата, ибо сами представители этнического сообщества делают выбор в пользу старого наименования, о чём свидетельствуют данные переписи населения 2002 г.: «Перепись выявила весьма скромные результаты внедрения новшества. В цифрах это выглядит так: из 346 чел. сей спорной национальности назвали себя „ульта“ 42 чел., „уйльта“ — 72, „ороками“ — 37 чел.; обнаружили 37 „орочей с родным языком ульта“ и 10 „ульча с родным языком ульта“. А „орочёнами с родным языком ульта“ назвали 148 чел.» (с. 35).

И А.Ф. Старцев, и другие исследователи отмечают, что инициатором изменения названия данной группы были местные этнические активисты во главе с учительницей Е.А. Бибиковой, которые сначала добивались переименования орочёнов в *ульта* (название было официально закреплено за группой в 1991 г.), а затем поддержали инициативу японского учёного Дз. Икэгами. Этот исследователь представил «Проект письменности уйльтинского языка», «одобренный на заседании в Институте лингвистических исследований РАН (Москва)» (с. 34) и предложил для группы новый этноним — *уйльта*.

Стоит заметить, что «научное культуртрегерство» и особенно культуртрегерство с участием лингвистов сегодня широко распространено, неслучайно

¹ Старцев А.Ф. Ороки — орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина. Владивосток: Дальнаука, 2015. 163 с.

² См., например, Элез А.И. Критика этнологии. М., 2001.

язык стал использоваться этническими организациями как идеологический инструмент. К примеру, некоторое время назад петербургские лингвисты громко заявляли, что строительство порта в Усть-Луге угрожает существованию традиционной среды обитания этнической группы *водь*, её языку и культуре. В результате *водь* была включена в Единый перечень коренных малочисленных народов, а мероприятия по поддержке данной культуры и языка внесены чиновниками Ленинградской области в региональную программу госнациполитики. Более того, в Санкт-Петербурге создано «Общество *ижоры и воды*», цели которого не вполне ясны, однако оно служит удовлетворению амбиций его руководителей. Не обошлось и без вмешательства зарубежных коллег — эстонские лингвисты помогли создать курсы *водского* языка в местах компактного проживания *води*. Но... самой *води* как этнической группы уже практически не осталось. Всего, по данным переписи 2010 г., зафиксировано 64 чел., назвавших себя *вожанами*. В дер. Лужицы и в окрестных деревнях Кингисеппского района, т.е. в регионе, с которым *водь* связана исторически, на сегодняшний день проживает 15 стариков и старушек, уже не знающих родного языка и не занимающихся традиционным промыслом, — ловлей балтийской кильки. На курсы *водского* языка они не ходят, посещают их ради интереса (если эти курсы ещё сохранились) дети иноэтничных соседей.

Ситуация вокруг орочёнов (или уйльта), равно как и *води*, есть отражение новой этнополитической реальности, в рамках которой сегодня развивается деятельность этнических организаций и этнических антрепренёров. На рубеже 1980—90-х гг. наступает время, которое многие исследователи и этнические активисты определяют как «этнический ренессанс», т.к. в этот период усиливается интерес к этничности и возникает огромное количество этнических организаций. Но если в 1990 — начале 2000-х гг. эти организации были глубоко политизированы и требовали политических (экономических, культурных) преференций для представителей «коренных народов», выдвигали идеи, противопоставлявшие этничность гражданству, то в последующем происходит перекалфикация названных объединений из общественно-политических в общественные, а из их лозунгов исчезают изречения, предполагающие политическую дискриминацию иноэтничных соседей: предложения ввести республиканское гражданство и ценз оседлости, создание этнических палат в республиканских парламентах и др.³

Со второй половины 2000-х гг. политизированная этничность уступает место этничности манифестной, когда, как сказано выше, язык превращается в идеологический инструмент этнических организаций и активистов, главным направлением деятельности которых становится не только культивирование этнических отличий, но и их «сотворение», углубление культурных границ между этническими сообществами. Изобретаются новые этнические праздники и обряды, появляется этническая мода (хотя мода интернациональна) и этническое искусство (этнофутуризм), учреждаются этнические конкурсы красоты и спортивные турниры (при этом каноны красоты сегодня едины, иначе невозможно было бы проводить конкурсы «Мисс Мира», а спорт должен сблизять народы, а не разделять их по этническому признаку), активно

³ Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. Учебник. Изд. второе, испр. и доп. М., Изд-во Московского ун-та, 2013.

придумываются новые «национальные виды спорта», о которых нет никаких сведений в исторических источниках, и т.д.⁴

Помимо названных культурных явлений, для данного этапа развития характерно конструирование самой этничности, реидентификация (восстановление прежних идентичностей и этнонимов). Очевидно, что и такое явление, как смена этнонима, явно носит манифестный характер, поскольку идейной основой переименования культурной группы является «возвращение её самости» и отказ от имени, который этническому сообществу якобы дали иноэтнические переселенцы, т.е. русские.

Однако этнополитическая подоплёка переименования ороков (орочёнов) не занимает существенного места в рассуждениях А.Ф. Старцева. Намного больше внимания уделяется анализу исторических и этнографических материалов, которые были собраны и опубликованы предшественниками; этническим миграциям; этимологии этнонима; анализу топонимии, которая могла влиять на формирование самоназвания этнической группы; рассмотрению культурно-хозяйственной специфики и языковых особенностей народа, т.е. сведений, позволяющих понять смысл этнических номинаций.

Очевидно, что культуры традиционных обществ всегда локальны. В этом смысле особый интерес представляют размышления исследователя, касающиеся роли хозяйственной деятельности и топонимии как важных конструирующих элементов этнического определителя. Ссылаясь на Л.Я. Штернберга, автор с самого начала обращает внимание на то, что весьма распространённой точкой зрения на происхождение этнонима является его связь с тунгусским термином *орон* — «домашний олень». Отсюда орочён — суть «оленовод». Но далее, вступая в полемику с Штернбергом и другими исследователями, принявшими данную версию происхождения этнонима, указывает, что сторонники этой концепции «допустили методологическую ошибку, потому что следовало выводить её (этимологию термина — *Ю.Ш.*) не из тунгусского термина *орон* и орокских слов *аля*, *уля*, имеющих значение „домашний олень“, а из названия местности, где обитали предки ороков Сахалина» (с. 122). Нам представляется, что подобная позиция вполне убедительна, поскольку хозяйственная специализация ороков менялась, а на территории первоначального расселения этнической группы, т.е. «в бассейне р. Оро не было условий для содержания оленей, то этноним *орочён* не мог возникнуть из слова *оро* или *орон* („домашний олень“)» (с. 110). Далее автор в качестве доказательства довода приводит три оронима, которые зафиксированы в местах, откуда ороки начинали своё движение на Сахалин и где они сформировались как специфическая этническая группа.

Можно согласиться и с мнением автора относительно того, что этнические названия *ольча*, *ульча*, *ульта*, *уйльта* есть наименования «субэтнических групп» этнического сообщества, известного под общим этнонимом орочёны. Неоднородность орочёнов и наличие в их составе локальных культурных групп вполне объяснима, и А.Ф. Старцев показывает, что она является следствием многих факторов, в числе которых сложный характер этногенеза самих ороков, внутренняя структура этнического сообщества, многочисленные

⁴ Шабает Ю.П., Садохин А.П. Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России. М., 2014.

и разнообразные контакты с соседними народами, миграционная подвижность группы и обширность освоенной ею территории. Все эти факторы в совокупности обусловили то, что этническое сообщество не гомогенно и распадается на отдельные локальные группы со своими самоназваниями, а общий этноним оказывается довольно изменчивым.

При всём интересе, который вызывает и позиция А.Ф. Старцева, и приводимые им сведения, рецензируемая работа не лишена некоторых недостатков. Один из них очевиден — в тексте монографии почти нет иллюстративного материала, при этом полностью отсутствуют карты, которые продемонстрировали бы места расселения ороков и локальных групп этноса, пути их миграций, территории хозяйственной деятельности. Второй явный недостаток — это отсутствие материалов переписи 2010 г. и, прежде всего, первичных данных и их авторской интерпретации. Во время переписи 2002 г. ороков обозначали как *уйлта*, а во время следующей переписи уже как *уйльта*, поэтому в обобщённых материалах переписи-2010 присутствует 295 *уйльта*. Думается, что автору необходимо обратить внимание на то, как проводился сбор первичного материала во время обеих переписных кампаний, как велась подготовка к ним и как было организовано информационное сопровождение переписи. Очевидно, что официальное число 295 *уйльта* не отражает сегодня реальную ситуацию у ороков, поскольку, вероятно, суммирует под общим названием всё многообразие форм этнической идентификации. Если же оценивать тенденцию изменений в характере идентификации и культурной консолидации *орочёнов/уйльта*, то следует дожидаться публикации результатов следующей переписи, поскольку, во-первых, у специалистов имеется множество претензий к качеству проведения переписи 2010 г., а во-вторых, последняя перепись почти повсеместно показала резкое снижение частоты употребления респондентами (или переписчиками?) субэтнических этнонимов (таких как *поморы*, *коми-ижемцы/изъватас*, *луговые марийцы*, *мордва-эрзя* и пр.). Попыток объяснить указанную тенденцию много, но проверить их обоснованность можно лишь временем.

На наш взгляд, в тексте монографии не хватает строгой логической последовательности изложения материала: вызывает некоторое сомнение структура книги (точнее — последовательность глав), в работе имеются повторы, которые, очевидно, связаны с тем, что автор вновь и вновь пытается обозначить свою собственную позицию и показать её отличие от взглядов других исследователей.

Думается, что точка зрения автора могла выглядеть ещё более убедительно, если бы в работе активно использовались подтверждающие рассуждения фольклорные материалы и исторические источники.

Безусловно, нельзя не приветствовать появление названного труда, поскольку и его содержание, и авторский взгляд на особенности культурной эволюции *орочён/уйльта* крайне интересны и полезны для специалистов-этнографов, а полемичный характер работы должен вызвать усиление интереса к монографии со стороны научного сообщества.

Ю.П. Шабаяев, д-р ист. наук, профессор, зав. сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН